

Кира Эммануиловна Кирова

ФРАНЦУЗСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ (1789—1848 гг.)

И ИТАЛЬЯНСКИЕ УМЕРЕННЫЕ ЛИБЕРАЛЫ (1830-1860 гг.)

Французский ежегодник 1982

М.: Наука. 1984. С.56-72

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме добавлены в конце статьи

Как известно, Франция пережила в конце XVIII — первой половине XIX в. три буржуазные революции. На долю первой из них — Великой французской революции конца XVIII в. — выпала наиболее трудная задача — сломать и выкорчевать феодальный уклад в стране. Она длилась ряд лет, изобиловала драматическими эпизодами и коллизиями, втянула в свою орбиту широчайшие массы французского народа.

Задачи двух последующих революций были много проще. Они должны были окончательно отнять власть у дворян — в 1830 г. и разрешить спор о власти между двумя фракциями французской буржуазии — финансовой и промышленной — в 1848 г.

Однако в 1848 г. события вышли за рамки буржуазной революции. В июне этого года в Париже вспыхнула гражданская война. Но после четырехдневной борьбы рабочие были разбиты, промышленники укрепились у власти, и обе революции в результате лишь «доделали» и завершили то, что не «доделала» и не завершила Великая французская революция. Обе они (и в 1830 г., и даже в 1848 г.) оказались намного короче и, как говорили современники, намного «легче» революции конца XVIII в.

Для Италии 1830—1860 гг. Франция имела особое значение. События во Франции и отношения с ней непосредственно влияли на положение на Апеннинском полуострове. Итальянские ученые, литераторы, общественные деятели подхватывали, хотя подчас и с опозданием, идеи французов, утверждали — пусть даже и в частных письмах, — что «судьба Италии зависит от судьбы Франции».

Перед Италией стояли свои задачи: борьба за освобождение от австрийского ига, борьба за объединение страны. Итальянские умеренные либералы (умеренные, как их кратко называли¹) надеялись достичь этого мирно, без революции². Их лидеры внимательно приглядывались к революционным событиям в соседней Франции, искали в них подтверждения своим надеждам и взглядам.

Наиболее систематический рассказ о Великой французской революции мы находим в исторических и политических работах Чезаре Бальбо. Рассказ этот не оригинален. Свои представления о революционных событиях конца XVIII в. Бальбо черпал из работ самых различных авторов, начиная от реакционных, таких, как Де Местр, Бёрк, Шатобриан, и кончая прогрессивными французскими историками периода Реставрации (у последних он взял, однако, отнюдь не лучшее из того, что у них было). Из всех лидеров умеренных Бальбо был настроен наиболее антиреволюционно. Революции, где бы они ни происходили, встречали обычно его суровое осуждение³. Он видел в них проявление слепого духа

¹ Это название стоит объяснить. В первые десятилетия XIX в. в Италии называли либералом всякого, кто был против правительства, за внутренние преобразования и национальную независимость. С дальнейшим расслоением национально-освободительного лагеря его правое крыло получило название умеренных либералов.

² О том, как надеялись умеренные освободить и объединить Италию, см. подробнее: *Ковальская М. И.* Италия в борьбе за национальную независимость и единство. М., 1981, с. 155—172.

³ Единственное исключение Бальбо делал для революций национально-освободительных, да и то лишь в том случае, если они не сочетали борьбу за независимость с борьбой за свободу, т. е. не включали в свою программу никаких внутренних

разрушения и анархии и всю свою жизнь политического деятеля и историка метался в поисках средства, которое послужило бы надежным от них заслоном. Великая Французская революция вызывала у Бальбо особый ужас и отвращение. И если дворяне и буржуа всей Европы не могли в первой половине XIX в. без дрожи вспоминать о якобинской диктатуре, то для Бальбо все 5 лет французской революции были годами «безудержного разгула черни», «народной тирании, которая совершила больше жестокостей, убила больше людей, пролила больше крови и повинна в больших гнусностях, чем все тираны-монархи XIII и XIV столетий»⁴. И она тем более вызывала у него протест и возмущение, что отнюдь не представлялась ему закономерной и неизбежной.

Бальбо полагал, что Великая Французская революция, как и большинство европейских революций за последние 600 лет, стремилась достичь «представительной», т. е. конституционной, монархии. Но французам вовсе не надо было ради этого братья за оружие! У них был добрый и либеральный король — «едиственный либеральный король XVIII в.» В 1789 г. он готов был дать своим подданным конституцию. Но он забыл, что народ, если он действует самостоятельно, «действует плохо». Он должен был разработать и внедрить конституцию сам, а не доверять это бунтарской народной ассамблее. Это была его «грубейшая ошибка», и она повлекла за собой все остальные «проступки и преступления»⁵. Началось царство плебса. Сложившаяся веками система управления была уничтожена, а новая так и не возникла. А в 1792 г. Франция была и вовсе объявлена республикой. «Но, боже правый, что это была за республика! Созванная в спешке ассамблея, названная Конвентом, сконцентрировала в своих руках всю власть — законодательную, исполнительную, даже судебную. Она создала не доброй памяти Комитет общественного спасения, который вскоре узурпировал у нее власть и возвысил „тирана и подлеца“ Робеспьера⁶, „уже одно существование которого — позор для современной цивилизации“⁷. Страна погрузилась «в трясину варварства и подлости». Было совершено «самое безумное преступление этой революции — убийство доброго и либерального короля»⁸. Началась якобинская диктатура — время, когда «разнузданная свобода, распущенность, злодейства, казни, мучения, правительственная вакханалия беспрепятственно царили в Конвенте, на улицах, в домах»⁹. Впрочем, говоря о якобинской диктатуре, Бальбо теряет всякую способность анализа и понимания. Остаются лишь ругательства и проклятия.

Не все лидеры умеренных испытывали к Великой французской революции такую ослепляющую, животную ненависть, как Бальбо. Они одобряли отдельные ее черты, некоторые события, а Массимо Д'Азелио попытался даже разобраться в ее классовой сущности. «В революции 1793 г., — писал он, — борьба шла между средними слоями и привилегированными. Средние слои победили»¹⁰.

Французская революция, пишет Камилло Кавур, прокламировала «принципы, возрождающие современное общество» и «составляющие подлинную основу свободной жизни». Это разделение властей, свобода печати, свобода личности и «священный принцип политического равенства»¹¹. И если эта революция «породила такие ужасные катастрофы, такие длительные несчастья, такие кровавые перипетии», то это по-

преобразований. Таким образом «чистой» и «славной» революции он считал едва ли не одну только испанскую революцию 1808 г.

⁴ Balbo C. Della politica nella presente civiltà. Firenze, 1857, p. 201.

⁵ Balbo C. Della storia d'Italia dalle origini fino all'anno 1814. Losanna, 1840, p. 349—350.

⁶ Balbo C. Della monarchia rappresentativa in Italia. Firenze, 1875, p. 85.

⁷ Balbo C. Della politica..., p. 434.

⁸ Balbo C. Della storia d'Italia..., p. 350.

⁹ Balbo C. Della politica..., p. 448.

¹⁰ D'Azeglio M. Scritti e discorsi politici: 3 vol. Firenze, 1936, vol. 2, p. 81.

¹¹ Lettres inedites du comte de Cavour au commandeur U. Ratazzi. P., 1862, p. 178; Cavour C. Tutti gli scritti: 4 vol. Torino, 1976, vol. 3, p. 1113.

тому, что она была не только политической, но и социальной революцией. Она должна была разбить своих непримиримых врагов и сделала это «средствами страшными, вызывающими ужас, часто преступными...»¹².

Но, пожалуй, самое примечательное — это попытка Винченцо Джоберти разобраться в причинах и задачах якобинской диктатуры: «Диктаторская власть во Франции в конце XVIII в. преследовала две цели: отстоять национальную независимость и провести в жизнь некоторые подлинно демократические идеи...»¹³ Национальное собрание не спасло Францию от иностранного нашествия, не оказавшись власть в руках «знаменитого и ужасного триумvirата, который назывался Комитетом общественного спасения и диктовал свою волю остальным с помощью насилия и террора»¹⁴. Могут сказать, что это написано в 1851 г., когда Джоберти под воздействием событий 1848—1849 гг. «полевел» и, по мнению историка Сальваторелли, чуть ли не стал даже левым либералом¹⁵. Но Джоберти и до того писал, что в годы первой французской революции европейские державы, напав на Францию, вынудили ее оборонять «с помощью террора, с яростью, с гордостью свои новые порядки»¹⁶. «Я не знаю, — восклицает Джоберти, — видела ли Европа после вторжения варваров такую остроу противоречий, такую сумятицу, такие ярые столкновения. На одной стороне одна пация, одна республика, один народ. На другой — все монархи старой Европы со своими свитами, своим войском... И в то время как монархи жаждали гибели республики, народы, охваченные своим бредом, отдавали ей свою любовь и свою жизнь»¹⁷. Конечно, это не означает, что Джоберти, или Д'Адзелио, или Кавур, или вообще кто-либо из умеренных относились к якобинцам хоть сколько-нибудь положительно. Даже и Джоберти, понимая в какой-то мере спасительность якобинской диктатуры для Франции, не мог «простить» якобинцам, что они, как он полагал, «поощряли насильственные действия плебеев» и «загрязняли свободу распущенностью». Они «делали святое дело ужасным и жестоким способом» и оставили по себе память «горестную и мрачную»¹⁸.

Кавур, Джоберти, Бальбо, Д'Адзелио, Мамини — все лидеры умеренных видели в якобинской диктатуре своего рода «эталон зла», без конца вспоминали о ее «ужасах», «экссессах», сами бывали охвачены ужасом при одной только мысли, что «такое» может произойти в Италии, и всячески старались доказать и себе и другим, что это невозможно. Их страх перед якобинской диктатурой был страхом собственнических классов отсталой сельскохозяйственной страны — страхом дворян (пусть даже и либеральных), сельской буржуазии. И их доказательства невозможности якобинской диктатуры в Италии также носили подчеркнuto «сельскохозяйственный» характер.

«В Италии положение очень отлично (от положения во Франции конца XVIII в. — К. К.), — писал Кавур. — Социальная революция... про-

¹² Cavour C. Tutti gli scritti, vol. 3, p. 1082.

¹³ Cioberti V. Del Rinnovamento civile d'Italia: 2 vol. Roma, 1969, vol. 1, p. 154.

¹⁴ Ibid., vol. 2, p. 155.

¹⁵ Salvatorelli L. Il pensiero politico italiano dal 1700 al 1870. Torino, 1949, p. 311.

¹⁶ Gioberti V. Apologia del libro intitolato «Il Gesuita moderno con alcune considerazioni intorno al Risorgimento italiano». Brussell; Livorno, 1848, p. 384. То, что Великая французская революция отстояла независимость страны, отмечали как ее заслугу (очевидно, по скрытой аналогии с Италией, перед которой также стояла задача борьбы за независимость) все умеренные и даже Бальбо. Последнему это, впрочем, не мешало одобрять действия европейских монархов, армии которых вторглись в 1792 г. на территорию революционной Франции.

¹⁷ Ibid., p. 338. Теренцио Мамини, настроенный не то чтобы более прозаически, но более материалистически, чем Джоберти, писал, что в конце XVIII в. во Франции «восставшие плебеи отдавали последнюю каплю крови за республику», потому что «к национальному чувству, укоренившемуся в сердцах французов, веками прибавлялся... страх перед тем, что будут восстановлены гнет и позор личных сервитутов, вассальная зависимость, все притеснения, обиды, все узурпации и вымогательства привилегированных классов» (Mamiani T. Scritti politici. Firenze, 1853, p. 368).

¹⁸ Cioberti V. Del Rinnovamento..., vol. 1, p. 119; vol. 2, p. 155.

изошла у нас уже давно. Феодализм во многих частях полуострова никогда не существовал, а там, где он был ранее силен, как в Неаполитанском королевстве, он был уничтожен еще в прошлом столетии»¹⁹. «Где у нас феодальное угнетение, где попираемая собственность, где ущемленные права!» — восклицал Мамияни²⁰.

Феодализм действительно был формально отменен в итальянских государствах во время наполеоновского господства, т. е. в последние годы XVIII — первые годы XIX столетия. Но многочисленные и очень тяжелые феодальные пережитки особенно в сельском хозяйстве Италии, сохранились, а в Неаполитанском королевстве сельскохозяйственный уклад и вовсе был близок к средневековому. Этого итальянские умеренные и те группы помещиков и буржуа, что шли за ними, упорно старались не замечать и высказываний, подобных приведенным, в их письмах, статьях множество. Пожалуй, один только Джоберти решился признать — да и то в частном послании и в сугубо осторожной форме, — что земельная собственность в Италии «плохо распределена» и это может при известных условиях привести «к распущенности»²¹.

* * *

После «ужасов» Великой французской революции — которая как-никак, а была для людей XIX в. делом прошлым, они узнавали о ней из книг — впечатление, произведенное на современников июльской революцией 1830 г. во Франции, было разительным. Конечно, многие испугались уже самого факта революции, многие, но не все, а для иных из тех, о ком идет речь в нашей статье, эта революция стала важным, если не переломным, пунктом их идейного развития. Бурбоновская Франция была одной из опор венской системы, обрешей Италию на политическую раздробленность и зависимость от Австрии, и когда эта опора пала, многие в Италии поверили в скорый крах всей системы. «Радость за мою страну при известии об июльской революции, столь неожиданной, нелегко описать, — вспоминал позднее Теренцио Мамияни, поэт и философ, бывший карбонарий, сыгравший позднее уже в качестве одного из лидеров умеренных либералов видную роль в революции 1848—1849 гг. — Я кричал как мальчишка: „Италия будет свободна! Наша Италия будет свободна!“ Без сомнения, это была самая чистая, самая высокая, самая бурная радость, какую мне суждено пережить на земле»²².

Он принял участие в революции 1831 г. в Центральной Италии, стал министром временного правительства восставших провинций, бежал на Корфу, а затем и в Париж, когда революция была подавлена австрийскими войсками, и уже там, во французской столице, начал свой путь вправо.

Аналогично сложилась судьба молодого прелата Королевской капеллы в Турине Винченцо Джоберти. Июльская революция во Франции толкнула его на участие в одном из заговоров «Молодой Италии». Он был выслен пьемонтской полицией, брошен в тюрьму, затем выслан из Италии и уже в эмиграции написал свою знаменитую книгу «О моральном и гражданском первенстве итальянцев», ставшую своего рода «священным писанием» для умеренных либералов 40-х годов XIX в.

И даже те, кто, как Д'Адзелио, с гордостью вспоминал под конец жизни, что никогда ни в каких тайных обществах и заговорах не участвовал, почувствовали, как при известии об июльских событиях в Париже «кровь начала быстрее струиться в их жилах»²³. И даже Кавур, этот,

¹⁹ *Cavour C. Tutti gli scritti*, vol. 3, p. 1082.

²⁰ *Mamiani T. Scritti politici*, p. 137.

²¹ *Gioberti V. Epistolario*: Vol. 1—11. Firenze, 1927—1937, vol. 8, p. 305.

²² *Mamiani T. Lettere dall'esilio*: 2 vol. Roma, 1899, vol. 1, p. 47.

²³ *D'Azeglio M. I miei ricordi*. Milano, S. a., vol. 7, p. 250. Радостное волнение охваты-

как он назвал себя позднее, убежденный сторонник золотой середины, воспринял июльскую революцию «с радостью, которую он и не пытался скрывать»²⁴. Радость эта была, однако, не без червоточинки. Кавур был «возмущен», узнав, что во Франции встал вопрос о предании суду, а возможно, и смертной казни министров свергнутого Карла X²⁵. Он писал, что не может «без отвращения» читать «кровавую декламацию» левых парижских газет, «подстрекающих народные низы против правительства и депутатов»²⁶. Действительно ли революция окончена и не предвещают ли эти раскаты грома новую, якобинскую ее фазу? «Речь идет о жизненно важном вопросе,— пишет он 30 октября 1830 г.,— будет ли славная июльская революция продолжать свой блистательный марш или же пойдет по кровавому пути, проложенному 1792 г.»²⁷.

А когда его тревога рассеялась и Кавур убедился наконец, что Франция «по кровавому пути» не пошла, тогда в общей сумятице его мыслей и чувств выступает разочарование тем, что страна эта «не обманула свою шпагу» в борьбе против венской системы. «Сколько обманутых надежд,— с горечью восклицает он,— сколько рассеянных иллюзий!»²⁸

Наступает пора осмысления, и один только Д'Адзелио вновь делает попытку — да и то не слишком удачную — разобраться в классовой сущности событий 1830 г. во Франции. Июльская революция, пишет он, была борьбой «между теми, кого в старые времена называли *ceto medio* и *popolo grasso*»²⁹, т. е. между рабочими и ремесленниками, с одной стороны, и купцами, банкирами, промышленниками — с другой. Для Бальбо, Джоберти, Кавура, Мамиани июльская революция — это революция чисто политическая и даже только династическая — «не революция, а *rivoltura*»³⁰ — переворот, как в сердцах пишет Мамиани, не менее Кавура разочарованный тем, что Франция не выступила против венской системы. Относятся они к этому «перевороту», однако, каждый по-своему. Джоберти подчеркивает, что парижане, «которых весь мир считал легкомысленными и очень нетерпеливыми, продемонстрировали свою выдержку и скромность, ограничившись (после свержения Карла X. — *K. K.*) сменой династии»³¹. А Бальбо и на этот раз находит, что для свержения «законного монарха» во Франции не было «достаточных оснований»³². Но даже и Бальбо не может не признать, что революция 1830 г. была хоть и «бесполезной», но «такой быстрой, такой легкой» и «стоившей так дешево»³³.

Здесь мы подходим к той особенности июльских событий, которая произвела на «умеренных» очень большое впечатление. Воспитанные на книгах о Великой французской революции и ее «эксцессах», они были поражены быстротой и кажущейся легкостью победы революции в июле

вало и людей, до того от политики далеких. Молодой поэт и филолог Николо Томмазо написал под впечатлением революционных событий во Франции оду, в которой призвал Римского папу выступить инициатором антиавстрийского восстания (*Ciampini R. Studi e ricerche su N. Tommaso. Roma, 1944, p. 94*). А известный в Италии поэт и сатирик Дж. Джустини вспоминал позднее в свойственном ему ироническом тоне, что и он в 1830 г. поверил, будто «Италия может ожидать помощи от французских политических марионеток», но затем, «оставив пустые воздыхания о минувшей любви... начал, терзая лиру, воспевать своим голосом кастрата славу Италии» (*Ciusti G. Epistolario. Firenze, 1904, vol. 1, p. 158*).

²⁴ *Rive W. de la. Le comte de Cavour: Recits et souvenirs. P., 1862, p. 67.*

²⁵ *Romeo R. Cavour e il suo tempo (1812—1842). Bari, 1969, p. 352.*

²⁶ *Cavour C. Epistolario. Bologna, 1962, vol. 1, p. 105.*

²⁷ *Ibid.*, p. 106.

²⁸ *Cavour C. Lettere edite ed inedite, raccolte ed illustrate da L. Chiala. Torino, 1886, vol. 5, p. 15.*

²⁹ *D'Azeglio M. Scritti e discorsi... vol. 2, p. 81.*

³⁰ *Mamiani T. Lettere dall'esilio, vol. 1, p. 47.*

³¹ *Gioberti V. Apologia... p. 1.*

³² *Balbo C. Della monarchia... p. 223.*

³³ *Ibid.*, p. 186, 322.

1830 г. Три дня баррикадных боев — и революция окончена. Ни гражданской войны, ни объявления республики, ни террора!

Не понимая подлинных причин ни самой революции 1830 г., ни ее быстрой победы, умеренные нашли свое этому объяснение.

* * *

Мысль о том, что с уничтожением сословных различий и ростом культуры и образования постепенно сближаются различные слои (классы) общества и ослабляется борьба между ними, была высказана и развита в трудах французских историков периода Реставрации³⁴. Итальянские умеренные, увидев в этой мысли еще один довод в пользу «ненужности» революций, ее подхватили. Писали, что «время противостояния классов прошло»³⁵, что «дела и идеи изменились, страхи и подозрения улеглись, монархи и народы сделали по несколько шагов навстречу друг другу»³⁶. И если в конце XVIII в. «свобода была распушенной, богохульной», была повинна в «жестоких насилиях и ниспровержениях», то в XIX в. «лихорадка переворотов и завоеваний... уступила место желаниям и склонностям разумным, умеренным и спокойным»³⁷.

Относительная по сравнению с событиями конца XVIII в. быстрота и легкость июльской революции и были восприняты умеренными как результат этого всеобщего смягчения нравов.

Папское правительство противится просвещению народа, так как считает, что оно приводит к усилению либеральных (т. е. революционных. — *К. К.*) идей, писал в 1844 г. Д'Адзелио, но «если образование порождает революции, то оно в то же время делает их менее кровавыми и разрушительными. Французский народ, когда он был менее образован, утопил Францию в крови, омрачил революцию кощунствами, хищениями, грабежами, убил своего короля и не знал меры своему неистовству. Тот же народ, став более образованным, славно боролся 3 дня. А победив, не осквернил свою победу ни мстостью, ни грабежами и счел себя вознагражденным, отпяв корону у неспособного править и возложив ее на голову сильного и разумного монарха»³⁸.

Английская революция середины XVII в., развивал ту же мысль в декабре 1846 г. Бальбо, была «великой и ужасной революцией». Реставрация 1688 г. «тоже была революцией, но менее ужасной, менее кровавой, более приличной. Это была революция уже почти сведенная к реформе. И с тех пор, — не без зависти замечал он, — в Англии больше не было революций, но было много реформ... Во Франции, — продолжал Бальбо, — произошло в общем то же, что в Англии, — там за узурпацией Национальным собранием государственной власти последовали свержение монархии и публичная казнь короля». А республика, объявленная в 1792 г., «была не республикой, а варварством и отрицанием всякой власти». Но революция 1830 г. была «несравненно более мягкой, уже схожей с английской революцией 1688 г., уже приближающейся к реформе. И с тех пор вот уже 17 лет как во Франции нет более революции, 17 лет там царят порядок и свобода и весьма вероятно, что, каковы бы ни были впредь желания и пужды французского общества, они будут удовлетворяться посредством реформ»³⁹. «Все эти примеры, — заключал он, — говорят, что чем более цивилизована нация... чем больше она уже

³⁴ См.: Далли В. М. Историки Франции. М., 1981, с. 30.

³⁵ Balbo C. Speranze d'Italia. Capolago, 1844, p. 86.

³⁶ D'Azeglio M. Scritti e discorsi..., vol. 2, p. 47.

³⁷ Gioberti V. Apologia..., p. 18.

³⁸ D'Azeglio M. Scritti e discorsi..., vol. 1, p. 84—85.

³⁹ В то, что «европейское потрясение (т. е. революция. — *К. К.*) становится с каждым днем все менее вероятным», верил в 1846 г. и Кавур. Он писал, что государи будут проводить реформы, а народы, «благодарные им за столь великие благодеяния», будут питать «полное доверие к своим суверенам» (Cavour C. Tutti gli scritti, vol. 2, p. 253).

сделала посредством реформ, тем более быстрыми и менее жестокими будут (если уж без них не обойтись.— *К. К.*) ее революции»⁴⁰.

Т. Мамиани не соглашался с аргументацией «роста цивилизации», не без логики заявляя, что в каждом столетии люди считают, что их век цивилизованней предшествующего. Однако и он верил, что «резня, избияения, казни» конца XVIII в. во Франции не могут повториться, ибо исчезли основные причины «глубокой ненависти, упорных и возобновляющихся преследований». «Воистину,— восклицал Мамиани,— залог длительного мира и всеобщего примирения был дан человечеству в день, когда гражданское (политическое.— *К. К.*) равенство вошло в текст законов и в практику нашей жизни»⁴¹.

Так возникала и оснащалась примерами и аргументами концепция, которую мы назвали бы концепцией затухающих революций, т. е. революций все менее «яростных» и длительных, все менее прибегающих к насилию и все более приближающихся по своему характеру и содержанию к реформам.

В 1846—1847 гг. эта концепция пользовалась популярностью у умеренных. Они формулировали ее в своих письмах, работах, она проникала на страницы руководимой ими прессы. Ведь то были годы, когда в Италии после весьма умеренных преобразований, проведенных в Папской области «либеральным папой» Пием IX, развернулось широчайшее массовое движение за национальную независимость и реформы. На грандиозных демонстрациях, проходивших в различных концах полуострова, народ вырывал у своих правителей все новые уступки. Рядовые умеренные инспирировали, а подчас и организовывали эти демонстрации. Лидеры движения, торопясь «идеологически оформить» происходящее, разрабатывали концепцию мирной (Джоберти называл ее идеальной) итальянской революции, которую народы совершают в тесном союзе со своими государями и которая состоит в проведении целого комплекса реформ.

Концепция «затухающих революций», как и положение о постепенном смягчении прав, воспринималась теперь умеренными не только как историческая предпосылка, но и как доказательство возможности «мирной революции» в Италии.

Но народное движение на полуострове сметало намеченные для него умеренными границы. Контролировать его становилось все труднее. Старые страхи оживали, и Д'Адзелио уже 5 января 1848 г. писал из Рима одному из своих корреспондентов, что он не боится, что в Папском государстве дело дойдет до «93-го года», так как национальная гвардия, Пьемонт и как последний ресурс даже *Австрия* (курсив наш.— *К. К.*) всегда помешают римлянам «свернуть с правильного пути»⁴².

* * *

И вот в такую, и без того напряженную атмосферу и пришла весть о новой, февральской революции во Франции. «Удар молнии, сверкнувший среди ясного неба в момент, когда его менее всего ожидали, производит обычно подобный эффект»— читаем мы в одном из писем тех дней⁴³. Не было ни иллюзий, ни розовых надежд июля 1830 г. Был страх, и Кавур, который в 1830 г. «не скрывал своей радости», писал теперь, что он «повержен ниц, ибо никак не ожидал столь плачевного события»⁴⁴. Боялись «якобинской угрозы». Джоберти, бывший в февральские дни в Париже, тщетно пытался успокоить своих итальянских единомышленников, а заодно и самого себя, напоминая, что «Франция

⁴⁰ Balbo C. Lettere di politica e letteratura, edite ed inedite, precedute da un Discorso sulle rivoluzioni del medesimo autore. Firenze, 1855, p. 360—361.

⁴¹ Mamiani T. Scritti politici, p. 239.

⁴² D'Azeglio M. Correspondance politique. P., 1867, p. 31.

⁴³ Il Risorgimento italiano nel carteggio di patrioti lombardi. Milano, 1924, p. 249.

⁴⁴ Cavour C. Epistolario, vol. 5, p. 92.

наших дней много мудрее, чем Франция конца XVIII в.» и «Французская республика 1848 г. не может походить на республику 1793 г. в силу изменившегося духа времени»⁴⁵.

Письма Джоберти передавались в Италии из рук в руки, публиковались в прессе. Но старые формулировки в изменившихся условиях не срабатывали. Общая тревога становилась тем сильнее, что традиционный, если можно так выразиться, для итальянских буржуа и помещиков первой половины XIX в. страх перед якобинской угрозой был многократно подкреплён и усилен новым для них страхом перед социализмом и коммунизмом.

Об идеях французского утопического социализма и коммунизма, широко распространённых в 40-х годах XIX в. среди части французских рабочих и французской революционной демократии, в кругах итальянских умеренных либералов было принято отзываться с пренебрежением и иронией, как о «пустых и лживых химерах». Но после февраля 1848 г. пронизировать стало трудно. «Право на труд!, Люксембургская комиссия!, Создание национальных мастерских!», — этого оказалось достаточно, чтобы умеренные увидели в победе февральской революции «победу плебса», в социалистических институтах, которыми была обставлена буржуазно-демократическая по сути своей февральская республика, угрозу низвержения капитализма не только во Франции, но и в Италии.

Кавур очень четко выразил эти общие настроения и страхи в статьях о февральской революции, опубликованных в газете «Рисорджименто» весной и летом 1848 г. «Это не идея республики и демократии пугает людей, это призрак коммунизма наполняет наши души сомнениями и подозрениями, — признавался он в первой из этих статей 6 марта 1848 г. — Это широко распространённые опасения, что нынешняя революция во Франции направлена не только к установлению новых политических порядков, но стремится также к существенным переменам в социальном строе»⁴⁶. В статье, опубликованной 5 дней спустя, Кавур, скрывая тревогу за спокойной, чуть ли не академической манерой изложения, пытался доказать «экономическую несостоятельность» социализма и коммунизма. «Все... что хоть в малейшей степени ущемляет право собственности, приводит к самым мрачным последствиям», — утверждал автор⁴⁷.

Но время шло. Еще теплившаяся в сердцах умеренных надежда, что революционные события во Франции ограничатся февральскими боями, потерпела крах, и после 15 мая 1848 г. Кавур уже с нескрываемым раздражением пишет, что французскими социалистами движет «инстинкт насилия», они стремятся «создать с помощью насилия и террора правительство, угнетающее богатых и угодное наименее честной и наиболее грубой части плебса»⁴⁸.

С резкой критикой «социалистических декретов» Временного правительства Франции выступил 10 апреля 1848 г. и Мамияни⁴⁹. О февральской революции как о революции, проникнутой «тупым стремлением к абсолютной демократии», известной под «мало разпящимися наименованиями социализма и коммунизма»⁵⁰, писал и Бальбо.

Что касается Джоберти, то он — по аналогии с событиями конца XVIII в., как он понимал их, — считал, что враждебность европейских держав может толкнуть новорождённую французскую республику «на путь 93-го года». Поэтому в своих письмах из Парижа он обычно подчеркивал необоснованность опасений, что февральская республика пойдёт не только по якобинскому, но и по коммунистическому пути⁵¹.

⁴⁵ *Gioberti V. Epistolario*, vol. 7, p. 291, 281.

⁴⁶ *Cavour C. Tutti gli scritti*, vol. 3, p. 1111.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 1121.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 1233.

⁴⁹ *Mamiani T. Scritti politici*, p. 239—250.

⁵⁰ Цит. по кн.: *Maturi V. Interpretazioni del Risorgimento*. Torino, 1962, p. 156.

⁵¹ *Gioberti V. Epistolario*, vol. 7, p. 322, 335, 357, 380; vol. 8, p. 23, etc.

И лишь изредка и очень осторожно указывал своим друзьям, что в Париже «живешь, как на вулкане», и надо помнить, что «„les blouses“ (блузники, рабочие.— *К. К.*) — хозяева Парижа»⁵². В книге, написанной в начале 50-х годов, Джоберти откровеннее пишет об «опасных утопиях», которые явились источником серьезных несчастий, о «нежизнеспособных реформах», которые Временное правительство пыталось провести в жизнь в первые месяцы февральской революции. Они «не только не уменьшили, но даже усилили беды, от которых страдал народ»⁵³.

Столь трогательное единодушие по отношению к социалистическим (точнее, псевдосоциалистическим) тенденциям французского Временного правительства не отменяет характерного для лидеров умеренных разноречия в общей оценке революции. Д'Адзеллио, следуя своей средневековой терминологии, понимает февральскую революцию как борьбу между «тощим и жирным народом»⁵⁴, т. е. как борьбу бедноты с богачами. Джоберти видит основную причину свержения Луи-Филиппа Орлеанского в том, что он, «придя к власти, ничего не сделал для героического народа, который (в июле 1830 г.— *К. К.*) завоевал для него и его сторонников почести, должности, богатство»⁵⁵. Но Бальбо верен себе и не только не находит «законных оснований» для свержения Луи-Филиппа, но и считает, что февральская революция — это следствие «дурного воспитания» французского народа и его «привычки» к уличным боям⁵⁶.

Но это уже, так сказать, расхождение «второго ранга».

* * *

Об «энергичной расправе» с французскими социалистами и коммунистами начали вздыхать в Италии задолго до июньских боев в Париже. Пегитти ди Рорето уже 8 апреля 1848 г. писал Джоберти, что ему «кажется невозможным», чтобы «честные французские либералы не выступили против каналий, которые стремятся взять верх»⁵⁷, а Кавур уже 20 мая, т. е. непосредственно после событий 15 мая 1848 г. в Париже, выразил в «Рисорджименто» надежду, что «Ламартин и национальная ассамблея выйдут победителями из ужасной борьбы, которую разжигает в Париже социализм»⁵⁸. Проходят 3 недели, и 15 июня 1848 г. Кавур вновь выступает со статьей о том, что «левые республиканцы, горячие социалисты, люди, которые мечтают о диктатуре Робеспьера, чтобы установить царство социального равенства, хотя смелым ударом захватить власть во французской столице и создать там революционное правительство, которое ограбит зажиточные и богатые классы». И вновь выражает надежду, что «исход борьбы, которая назревает на улицах Парижа, будет соответствовать нашим желаниям и честная партия (т. е. «партия порядка».— *К. К.*) выйдет из нее торжествующей и усилившейся»⁵⁹.

«Речь шла, — пишет он, узнав о поражении спровоцированного буржуазией в конце июня восстания парижских рабочих, — о спасении социального уклада от полного уничтожения, о том, чтобы сохранить неприкосновенными священные принципы семьи и собственности, которым угрожали социализм и анархия, и предохранить современную цивилизацию от нового вторжения варваров... и шла она (эта речь.— *К. К.*) не об одной только Франции... ибо победы коммунизма в Париже, то Италии и Германии было бы трудно долго не допустить его в свои пределы». Однако кровавое подавление рабочего восстания не представлялось Кавуру надежной гарантией на будущее: «Победа окажется бесплодной,

⁵² Ibid., vol. 7, p. 345, 356.

⁵³ Gioberti V. Del Rinnovamento..., vol. 1, p. 62—63.

⁵⁴ D'Azeglio M. Scritti e discorsi..., vol. 2, p. 81.

⁵⁵ Gioberti V. Apologia..., p. 431.

⁵⁶ Balbo C. Della Monarchia..., p. 323.

⁵⁷ Gioberti V. Carteggio Roma, 1936, vol. 2, p. 161.

⁵⁸ Cavour C. Tutti gli scritti, vol. 3, p. 1231.

⁵⁹ Ibid., p. 1258.

если ассамблея, победив анархию, не решится ударить по вождам анархии, т. е. по социалистам. Одновременно он как истый либерал призывает «класс победителей» улучшить, «конечно, в пределах возможного» материальное положение рабочих. «В этом,— пишет он,— их (победителей.— *К. К.*) долг и их интерес»⁶⁰. Кавур еще не скоро придет в себя после пережитого им страха. На все его действия во второй половине 1848 г., в 1849 г. падает, как пишет итальянский исследователь, «тень июньских событий»⁶¹.

Кавур выразил свое отношение к этим событиям в форме наиболее развернутой и четкой. Но ведь и обостренный опасностью классовый инстинкт Д'Адзелио позволил ему понять, что в июне 1848 г. «вопрос был жгучим, угрожающим. Речь шла о жизни или смерти, о „быть или не быть“ — как если бы корабль накренился и поворота руля... было достаточно, чтобы погубить его или спасти...— Счастье, что Франция была спасена!»⁶² И Бальбо, как и Кавур, считал, что одной только кровавой расправы с июньскими повстанцами недостаточно, и порицал Национальное собрание Франции за то, что оно не объявило социалистов и коммунистов — всех в целом! — вне закона⁶³. И даже Джоберти заявил, что «если демократия... профанирует религию, поносит мораль, собственность, семью, пытается проводить реформы, ниспровергающие и нежизнеспособные, если она возрождает химеры прошлого века и хочет осуществить некоторые утопии нашего столетия, то эта демократия неизбежно погибнет и не будет достойна сожаления»⁶⁴.

Так, перед лицом угрозы капиталистическому укладу оттенки стирались, расхождения тускнели, умеренные единым строем выступали на его защиту. И нам хотелось бы поэтому еще раз предоставить слово Д'Адзелио — человеку, который бывал иногда до цинизма откровенным. «Говорят,— писал он,— что во время боев февраля и июня 1848 г. не было похищено даже и носового платка. Для собственников это слабое утешение, ибо речь шла об организации кражи большого плана (*in grande*), о том, чтобы узаконить разбой... Это вопрос о собственности, а не вопрос о конституции и республике расколосил западный мир. Все собственники, хотя и любящие свободу и враждебные деспотизму... любят немного меньше свободу и ненавидят немного меньше деспотизм после появления (во Франции.— *К. К.*) социалистической республики»⁶⁵.

Революционные 1848—1849 годы рассеяли многие иллюзии итальянских умеренных. Потерпела крах их излюбленная концепция «мирной» итальянской революции. В дни резкого обострения классовых противоречий во Франции не приходилось даже и вспоминать о возжеленном сближении классов и «затухании» революций. В самой Италии политически незрелые народные массы еще шли в основном за помещиками и бур-

⁶⁰ *Ibid.*, p. 1281—1284.

⁶¹ *Romeo R. Cavour e il suo tempo (1842—1854)*. Bari, 1977, p. 307.

⁶² *D'Azeglio M. Scritti e discorsi...*, vol. 2, p. 55.

⁶³ *Balbo C. Lettere di politica...*, p. 39.

⁶⁴ *Gioberti V. Del Rinascimento...*, vol. 2, p. 389.

⁶⁵ *D'Azeglio M. Scritti e discorsi...*, vol. 2, p. 83. Конечно, все они стремились использовать июньскую трагедию как урок для Италии. Мамани, выступая 6 июля 1848 г. в Риме на заседании совета министров, говорил своим коллегам, что «в стране, не очень от нас далекой, льется кровь, валяются на улицах столицы тела убитых», и призывал членов совета внедрить в сознание народа мысль о том, что «подлинная и единственная опасность для Италии — это несогласие душ, несдержанность страстей, махинации партий» (*Mamiani T. Scritti politici*, p. 295). Во Флоренции уже вернувшийся на родину Джоберти, предостерегая 27 июня население города от объявления республики, напомнил об «иностранных», которые «так хорошо организовали республику у себя дома, что лишили тех, кто мудр, всякого желания им подражать» (*Gioberti V. Operette politiche*. Capolago; Torino, 1851, vol. 2, p. 124). А политический деятель меньшего ранга, секретарь Итальянского клуба в Генуе Пеллегрини, призывая летом 1848 г. народ к «терпению», распространялся на тему о том, что во Франции «бедняки захотели немедленных результатов (революции.— *К. К.*), и их кровь залила улицы Парижа». И правоучительно заключал: «Вот к чему приводит ярость народа, когда он действует сам по себе, не уважая законы» (*Il Regno di Sardegna nel 1848—1849 nel cattedro di D. Buffa*. Roma, 1966, vol. 1, p. 305).

жуа. Все же в каждом итальянском государстве была своя «болевая точка»: Калабрия — в Неаполитанском королевстве, Генуя — в Пьемонтском, Рим — в Папской области, Ливорно — в Тоскане. И ошалевшим от страха «верхам» чудился коммунизм в захвате крестьянами общинных земель в Калабрии и в забастовке типографских рабочих в Пьемонте⁶⁶.

Джоберти, Бальбо, Маминани, Д'Адзелио, Кавур, став министрами, председателями совета министров, парламентариями итальянских государств, напрягали все силы, чтобы сдержать народ и помешать углублению итальянской революции. Некоторые умеренные, не веря, что это удастся, уже в первые недели национально-освободительной войны Италии с Австрией, боялись победы больше, чем поражения. «Признаюсь, я всегда опасался мира, который последует за этой войной, и думал, что, когда будет разбита иностранная тирания, начнется внутренняя, еще более ужасная, — откровенничал в письме от 26 апреля 1848 г. Козимо Ридольфи... — Если победа, не слишком тяжело добытая, сделает Италию хозяйкой положения, кто сдержит тогда неумеренные желания торжествующих масс, кто установит предел их требованиям!»⁶⁷ А ведь после 1848 г. был еще и 1849 г. и буржуазно-демократическая республика во главе с Мадзини в самом центре феодальной реакции — папском Риме!

И все же, когда революционные 1848—1849 годы ушли в прошлое, Мадзини возвратился в изгнание, а во Франции полноту власти захватил Луи Бонапарт, умеренные, «отдыхавшись» после пережитых тревожных дней, начали понимать, что дела их не так уж плохи. И хотя война с Австрией и возможность освободиться от австрийского ига Италией упущена, но и всеобщего «социального ниспровержения», которого они так боялись, также не произошло. Им предстояло разработать новую тактику, найти новые пути борьбы за национальную независимость и свободу, и хотя все их чувства и убеждения по-прежнему влекли их к «мирной революции» и реформам, но после событий 1848—1849 гг. они уже не решались считать эту свою мечту реальной. Джоберти предупреждал своих единомышленников, что «эпоха, которая начинается, будет эпохой революции»⁶⁸. И даже Бальбо вынужден был признать, что революции — это «неизбежное зло» и — раз уже это так — надо стараться, чтобы революция в Италии была «быстрая, хорошая» и, конечно, только одна⁶⁹.

Старая концепция смягчения революций и нравов обретала новую жизнь. И тот же Бальбо признавал теперь, что революция 1848 г. во Франции оказалась на деле «менее злодейской», чем Великая французская революция и, «во всяком случае, имеет то преимущество, что длится меньше»⁷⁰.

«Сравните, о синьоры, революцию 1793 г. с февральской революцией 1848 г., и вы увидите, как велики перемены, происшедшие за это время в характере и нравах французского народа. Конечно, я не поклонник и не защитник революции 48 года. Никакое событие не было, по моему мнению, более губительно, более плачевно, чем это. Никакое событие не причинило мне более серьезных огорчений. Но это не делает меня несправедливым, и я могу сказать, что, к чести Франции, в ходе этой революции французская нация показала себя во всех отношениях много превосходящей ту, какой она была в 1793 г.»⁷¹

Важно подчеркнуть, что это последнее высказывание принадлежит Кавуру. Он произнес его в сенате 16 декабря 1852 г. Важно потому, что это Кавуру выпало на долю в конце 50-х годов — уже после смерти Бальбо и Джоберти — взяться за организацию революций в Центральной Италии. Конечно, это должны были быть особые, «ручные» революции,

⁶⁶ A. Poerio in Venezia. Napoli, 1934, p. 160; *Gioberti V.* Carteggi, vol. 2, p. 163.

⁶⁷ *Farini L. C.* Epistolario. Bologna, 1935, vol. 2, p. 211—212.

⁶⁸ *Gioberti V.* Epistolario, vol. 10, p. 193.

⁶⁹ *Balbo C.* Della monarchia..., p. 15, 315.

⁷⁰ *Balbo C.* Della politica..., p. 434; *Della monarchia...*, p. 92.

⁷¹ *Cavour C.* Discorsi parlamentari. Firenze, 1937, vol. 6, p. 361.

менее всего похожие не только на французские революции конца XVIII — первой половины XIX в., но и на итальянский 1848 год. Они должны были быть быстрыми (так сказать, «блицреволюции»), по возможности мирными и состоять в основном (если не полностью) из демонстраций. Но они должны были проходить при непосредственном участии народных масс, а это всегда таит в себе опасность для собственников, даже если массам и отводится всего только роль статистов, которые по сигналу режиссера появляются на сцене, выкрикивают подсказанные им лозунги и — по сигналу же — исчезают. Кто знает, не взбунтуются ли статисты и не выйдут ли они из указанной им роли!

Ряд причин — объективных и субъективных — способствовал тому, что Кавур решился на эту не лишенную риска игру с огнем, среди людей была, смеем полагать, и мысль о том, что как-никак, а XIX век — это не век XVIII и революции XIX в. «смирнее», чем революции XVIII в.

Самое поразительное в планах Кавура это то, что они удались, и революции 1859 г. в Центральной Италии, в основном, если не полностью, подготовленные и «отрежиссированные» Кавуром и его помощниками, оказались в основном такими, как он хотел.

Насквозь прогнившие полуфеодальные монархии Центральной Италии давно уже держались только на австрийских штыках. Они были едва ли не полностью лишены корней в местном обществе, и, чтобы их скинуть, действительно оказалось достаточно демонстраций. А всеобщая ненависть к австрийцам и их ставленникам — монархам, так же как и патриотический подъем, охвативший Центральную Италию с началом франко-пьемонтской войны с Австрией, была так велика, что народные массы в ходе этих демонстраций ни о каких, кроме указанных им антиавстрийских и антиправительственных, лозунгах и требованиях не помышляли. Надо полагать, это положение изменилось бы, получи революционный процесс дальнейшее развитие. Но «статисты» еще не успевали обрадоваться своей победе, как оказывались опутаны густой сетью изданных новыми правительствами умеренных либералов запретов, распоряжений, санкций. И революционный процесс был остановлен, едва успев начаться.

Так произошло, в частности, в самом крупном из государств Центральной Италии — Тоскане. Здесь 27 апреля 1859 г. после грандиозной народной демонстрации, поддержанной войсками, отказавшимися стрелять в народ, великий герцог Леопольд бежал к австрийцам, а «железный барон» Беттино Риказоли немедленно зажал выполнивший отведенную ему роль народ в свои «железные рукавицы».

День 27 апреля 1859 г. стал для итальянских умеренных символом той «идеальной» мирной, свободной от социальных требований и «излишеств» революции, к которой они столько лет стремились. Они вспомнили об этом дне год спустя, когда созданное Гарибальди на Сицилии правительство революционной диктатуры раздавало членам антибурбоновских крестьянских отрядов общинные земли, ломало полуфеодальный государственный аппарат и проводило финансовые мероприятия, заставлявшие не только сицилийских, но и пьемонтских помещиков и буржуа с ужасом вспоминать о 1793 г.⁷² Инструктируя тогда своих людей, которых он посылал на Сицилию в надежде, что они подорвут влияние Гарибальди, Кавур звал их «повторить 27 апреля» на юге Италии⁷³.

И вот тогда-то, в бурном 1860 г., знаменитый Алессандро Манцони и задумал написать свою последнюю большую работу «Сравнительный очерк французской революции конца XVIII в. и итальянской революции 1859 г.».

⁷² Дж. Пиола писал Кавуру из Палермо, что правительство Гарибальди намерено выпустить казначейские боны и обязать богачей обменивать их на металлические деньги. Оно намерено сжечь регистры, чтобы не оставить никаких следов этой операции и прибегнуть таким образом «к тем же методам, какими действовала революция 1793 г.» (*Cavour C. La liberazione del mezzogiorno. Bologna, 1949, vol. 1, p. 356*).

⁷³ *Ibid.*, p. 390, 413.

Если для Кавура, Джоберти, Бальбо, Д'Адзелино, Маммиани французская революция была историей, то для Мандзони, родившегося в 1785 г.,—это были его детство и юность. Сколько разговоров о ней он слышал еще ребенком! А 1805—1810 гг. Мандзони провел в Париже — городе, где, казалось, даже булыжники мостовой источали воспоминания о событиях недавнего прошлого, как источают они вечерами накопленное за день тепло. Мать Мандзони — внучка знаменитого Беккариа — ввела его в салон мадам Кондорсе, и он сблизился там с людьми, для которых великая революция, как бы они к ней ни относились, стала главным содержанием их жизни. В ту пору Мандзони был настроен весьма вольнолюбиво. Он собирался — во имя всеобщего равенства — отказаться от унаследованного им титула. И в оде «Триумф свободы», написанной им еще в 1800 г., звучали, как отмечают исследователи, «якобинские нотки», и «свобода была изображена в облике прекрасной женщины с фригийским (якобинским) колпаком на голове».

Но после 1810 г. во взглядах Мандзони произошел резкий сдвиг вправо. Он стал ревностным католиком, и хотя по-прежнему оставался горячим патриотом, но его представления о путях достижения независимости и свободы Италии стали типичными представлениями умеренно-го либерала.

В его знаменитых «Обрученных» — романе, который был написан в 20-х годах XIX в., но по сей день входит в золотой фонд европейской литературы, — не одна страница звучит скрытой, а подчас и открытой полемикой с Великой французской революцией и ее идеями. Он рассказывает о голоде, постигшем в XVII в. Милан, пишет, что попытки испанских властей искусственно регулировать цены на хлеб лишь усугубили народное бедствие, и, точно невзначай, замечает, что то же случилось «в одной стране в эпоху нам близкую, в самую бурную и замечательную эпоху новейшей истории» и получилось это «главным образом потому, что широкие народные массы... сумели на долгое время заставить подчиниться своему влиянию и, как у них там говорится, направлять руку тех, кто пишет законы»⁷⁴.

Он рассказывает, как голодная миланская беднота, «озверев», громила хлебные лавки и амбары и утверждает, что те, кто образует «толпу — как бы само орудие беспорядков, — это просто случайная смесь людей... готовых на жестокость и на милосердие, на обожание или на ненависть в зависимости от случая... Им непременно нужно кричать, рукоплескать кому-нибудь или улюлюкать вслед „Да здравствует“ и „Смерть ему“ — эти слова они выкрикивают охотнее всего, и если удастся убедить их в том, что такой-то не заслуживает четвертования, то уже немного понадобится труда и слов доказать им, что он достоин триумфа»⁷⁵.

Мы не станем приводить это рассуждение полностью. Оно длинно и включает в себя различные формулировки мысли о том, что народные волнения (а их так много было в конце XVIII в. во Франции! — *К. К.*) лишены реального, не говоря уж о классовом, содержания, реальных причин и целей. Их участники — это «чернь», «толпа», которая «то „за“, то „против“ в зависимости от того, куда дует ветер»⁷⁶. Молодой (ему тогда едва исполнилось 25 лет) Кавур переписал этот отрывок — полный презрения к народным массам, если они «бунтуют», — в свою рабочую тетрадь целиком⁷⁷.

Но мысли о Великой французской революции не оставляли Мандзони, и в 1850 г. он написал несколько не лишенных интереса страничек

⁷⁴ Мандзони А. Обрученные. М., 1955, с. 385.

⁷⁵ Там же, с. 193.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Cavour C. Tutti gli scritti, vol. 1, p. 148.

о Робеспьере. Нет, он не пошел по пути тех, кто, не мудрствуя лукаво, осыпал вождя якобинцев бранью. Он утверждал даже, что те, кто видит в Робеспьере «всего лишь чудовище жестокости и честолюбия», рассуждают «слишком упрощенно» и что «в чудовище была скрыта тайна», «нельзя не видеть в этом человеке... его веры в возможность быстрого и кардинального улучшения положения людей и их морали... так же как нельзя не учитывать его пыл, столь живой и упорный, в достижении этой цели... Более того, личная честность Робеспьера, его безразличие к богатству и удовольствиям, серьезность и простота его жизни не легко согласуются с характером, от природы испорченным»⁷⁸. Но Робеспьер, следуя за Руссо, не верил в первородный грех. Он считал, что человек рождается добродетельным, и главная причина зла, от которого он страдает и которое совершает сам,— это плохие социальные порядки. В них «единственное препятствие доброте и счастью людей», и если заменить плохие порядки хорошими, то «мир превратится в земной рай». А так как защитников плохих порядков очень мало по сравнению со всем человечеством, то их, этих защитников, и надо убрать с дороги, чтобы «добродетель и счастье беспрепятственно воцарились на земле». «Вот что,— пишет Мандзони,— могло заставить учинить кровавую бойню человека, о котором ничто не указывает, чтобы он имел отвратительные стремления, которые проявились в стольких его сателлитах и соперниках». Но человек не должен в своих действиях исходить из метафизических идей. Робеспьер должен был помнить, что религия обещает нам совершенное счастье на том свете и вера в это не оставляет нам надежды на совершенное счастье на земле»⁷⁹.

В 1860 г., когда Мандзони задумал свою работу о двух революциях, ему было 75 лет. «Но какая память! — восклицает Дж. Висконти-Веноста, часто с Мандзони в ту пору встречавшийся.— Он читал наизусть Вергилия, итальянских поэтов, но особенно часто говорил о французской революции. Он знал и помнил мельчайшие ее детали, каждого ее деятеля, даже второстепенного»⁸⁰.

Все же задуманную книгу Мандзони не написал. Он работал над ней ряд лет, но после его смерти в 1873 г. в его бумагах были обнаружены лишь разрозненные наброски об итальянской революции 1859 г. и 279 сравнительно отработанных рукописных страниц подробного рассказа о событиях во Франции в мае—июле 1789 г.

Работая над этими страницами, Мандзони, как справедливо отметил Дж. Манакорда, «полностью пренебрег более новыми приемами исследования»⁸¹. Его суждения о французской революции повторяли уставшие и отброшенные исторической наукой суждения итальянских историков либерально-католической школы, в частности Бальбо. Только высказаны они красочней и, мы сказали бы, элегантней. Мы, что называется, встречаемся на этих страницах со «старыми знакомыми» — с Францией, которая хотела реформ, но не хотела революции, с либеральным Людовиком XVI, который соглашался эти реформы провести. И он один мог сделать это «без гражданской войны, без внешних войн, без голов, поднятых на пики»⁸². Но депутаты третьего сословия генеральным штатом хотели не реформ, а власти. Они объявили себя Национальным собранием и разрушили старую систему управления страной, не имея в запасе новой. «Да и какой порядок, боже правый... может выйти из победы, купленной кровью граждан!»⁸³

Однако Мандзони не только утверждает ненужность Великой французской революции. Он морализирует и устраивает своего рода суд над

⁷⁸ *Manzoni A. Tutte le opere. Roma, 1965, p. 972—973.*

⁷⁹ *Ibid.*

⁸⁰ *Visconti-Venosta G. Ricordi di gioventu. Milano, 1955, p. 594.*

⁸¹ См. введение Джулиано Манакорды к историческим работам А. Мандзони в кн.: *Manzoni A. Tutte le opere...*, p. 605.

⁸² *Ibid.*, p. 703.

⁸³ *Ibid.*, p. 724.

ней, тщательно устанавливая, было ли то или иное ее событие «законно» или «незаконно». Так, например, Верньо (это Мандзони писал еще в 1850 г.), не считая Людовика XVI виновным, голосовал все же в Конвенте за его казнь. Он надеялся таким образом предупредить гражданскую войну во Франции, и был не прав, ибо правосудие выше пользы⁸⁴. А делегаты третьего сословия, объявив себя Национальным собранием, поступили незаконно, так как превысили свой мандат⁸⁵. И это первое беззаконие повлекло за собой все остальные. «Телега покатила под откос», и во Франции воцарились «нестабильность и насилие». «Эпохой террора,— писал Мандзони,— называют обычно одну только фазу французской революции, в ходе которой террор достиг своего апогея, но господство произвола и насилия началось почти одновременно с революцией... Гнет тяготел даже и над теми, кто не стал непосредственно жертвой террора, гнет лишил людей храбрости, делая для них невозможной даже и саму мысль о сопротивлении»⁸⁶. «Судя» революцию, неустойчиво подчеркивая противоречие между тем, что было задумано, чего ожидали и предсказывали, и тем, что произошло»⁸⁷, Мандзони, как пишет Б. Кроче, «покинул лагерь историков и перешел в стан законников и моралистов... как если бы речь шла об анализе философских систем, а не о том, чтобы понять ход человеческих страстей и борьбы»⁸⁸ — и, добавим, происходящие в обществе социально-экономические процессы.

Посвященный Франции отрывок из неоконченной работы Мандзони был опубликован в 1879 г., к столетию Великой французской революции. Мировая слава автора предопределила то, что этой публикации с нетерпением ожидали и в Италии, и во Франции, но когда работа вышла в свет и стало ясно, что она лишь повторяет устаревшие мысли, нетерпение сменилось разочарованием и работа, по-своему тщательно написанная, прошла, не оставив сколько-нибудь значительного следа в историографии⁸⁹.

Для нас, однако, особый интерес представляет введение к «Сравнительному очерку», законченное Мандзони и опубликованное еще при его жизни в 1869 г. Автор начинает его с того, что революция может ограничиться переменами в управлении государством, но может и уничтожить его. Последнее произошло и в конце XVIII в. во Франции, и в 1850 г. в Италии. Но вместе с тем между французской и итальянской революциями существуют «величайшие различия». «Продемонстрировать эти различия, вскрыть их причины — задача настоящей работы». Далее следует общая характеристика Великой французской революции, нам уже в основном знакомая. «Многие считают и будут нам возражать, что 1789 год — это конфликт между свободой, которая хотела утвердиться, и деспотизмом, который хотел удержаться. Я докажу, что это не так», — обещает Мандзони⁹⁰. Борьба, разгоревшаяся во Франции весной 1789 г., рассуждает он, была борьбой за власть, и «свобода, из этой борьбы возникшая, была деспотизмом под маской свободы». Иное дело — Италия, где «свобода, далекая от того, чтобы быть угнетенной, родилась из самой революции. И не свобода на словах, не свобода по имени... но подлинная свобода, которая состоит в том, что граждане страны благо-

⁸⁴ Ibid., p. 975.

⁸⁵ Ibid., p. 703.

⁸⁶ Ibid., p. 672.

⁸⁷ Ibid., p. 701.

⁸⁸ Croce B. Storia della storiografia italiana nel secolo decimonono. Bari, 1947, vol. 1, p. 189—190. По словам Ф. Николини, Мандзони был из тех «историков-моралистов», которые стремятся «определить с математической точностью, до какого момента... такая-то война, такая-то революция, такая-то акция, такой-то социальный катаклизм были „справедливы“ или „несправедливы“ и какие гири надо кинуть на чашу весов, чтобы скрупулезно подсчитать ответственность тех, кто был деятелем или зачинщиком этой войны, этой революции, этой реакции» (Niccolini F. Arte e storia nei Promessi sposi. Milano, 1958, p. 139—140).

⁸⁹ Croce B. Op. cit., vol. 1, p. 190.

⁹⁰ Manzoni A. Tutte le opere, p. 672, 676.

даря справедливым законам ограждены от насилия частных лиц и тиранических приказов новой власти». И благодетельная эта перемена «не просто стабильна, но и становится с каждым днем все стабильней»⁹¹.

Основная причина столь существенного различия между двумя революциями состоит, по Мандзони, в том, что уничтожение старого, дореволюционного правительства Франции не было необходимо (либеральный король и т. п.). А для Италии ее политическая раздробленность издавна была причиной бед и унижений. И это дало итальянцам «очевидное и священное» право на упразднение правительств мелких итальянских государств, мешавших объединению. Из всего этого, заключает Мандзони, следует «справедливость... и законность итальянской революции», которая «развивалась, не угнетая». И это же сознание своего права привело итальянцев «ко всеобщему согласию, которое устраняет и поводы к угнетению и самые попытки угнетать»⁹².

Что объединение Италии было исторической необходимостью — в этом Мандзони, конечно, прав, но произошло оно не в «трогательном единодушии» всей нации, а в напряженной борьбе между умеренными либералами и революционными демократами, а значит, и между теми классами и классовыми прослойками, которые за ними стояли. Умеренные победили, и возникшее в 1861 г. Объединенное итальянское королевство возглавил блок крупных помещиков (в том числе полуфеодалных) и крупных буржуа. Это было государство, отягощенное многочисленными и очень тяжелыми феодальными пережитками, государство формально парламентское, а фактически полицейское. Народные массы в нем были угнетены экономически и политически особенно жестоко, и это не раз в последующие годы приводило к охватывавшим весь или значительную часть полуострова бурным вспышкам народных волнений. Одна из таких вспышек пришлась на 1869 г. — тот самый год, в котором Мандзони опубликовал свое введение.

Но можно ли ожидать и тем более требовать от человека (будь он даже великим писателем), сформировавшегося как личность в первые десятилетия века, что он сумеет и захочет понять процессы и события последних его десятилетий? Не правильнее ли видеть в его высказываниях свидетельство того, как хотели представить населению страны (а подчас, как сами понимали) умеренные либералы и процесс объединения Италии, и конечные его результаты?

* * *

Рисорджименто шло к концу. Уходили в прошлое люди, определявшие в ходе его мысли, настроения, поступки либеральных итальянских помещиков и буржуа. Перед Объединенным итальянским королевством вставали новые задачи, на его горизонте вырисовывались контуры новой, уже не национально-освободительной революции. Завершился и цикл буржуазных революций во Франции, и уже близок был 1871 г. — год Парижской Коммуны.

Но реформистским иллюзиям предстояла еще долгая жизнь. Концепции и схемы, разработанные в период Рисорджименто умеренными либералами, не снимались их преемниками «с вооружения». Однако в новой исторической обстановке они претерпели ряд превращений.

⁹¹ Ibid., p. 672, 673.

⁹² Ibid., p. 673, 674, 675.

Материалы по теме

М. Ковальская. Италия в борьбе за национальную независимость и единство. От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/risorgimento_kovalskaya.pdf

М. Ковальская. Движение карбонариев в Италии 1808-1821 гг.
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/carbonnari.pdf>

И. Полуяхтова. История итальянской литературы 19 в.
Эпоха Рисорджименто
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lit_risorgimento.pdf

Дж. Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p120414416.htm#424698281>

Дж. Берти. Социалист-утопист 40-х годов XIX века Микеле Фодера
http://vive-liberta.narod.ru/journal/fodera_berti_62.pdf

Либерализм Запада 17-20 вв.: чч. 1, 2
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p55932199.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57232261.htm>

Ф. Орсини. Мемуары (с комментариями и статьей Г. Сандомирского и приложением документов). Материалы о покушении Орсини на Луи-Бонапарта
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p120414416.htm#425582810>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p120414416.htm#426110045>

В. Аванесян. Вторая республика и римский вопрос (в работе)

См. также записи в темах
«Рисорджименто» <http://www.diary.ru/~vive-liberta/?tag=3337656>
«Италия» <http://www.diary.ru/~vive-liberta/?tag=8099>